

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Наталья Александрова

Цацки из склепа



Наталья Николаевна Александрова

Цацки из склепа

Серия «Наследники Остапа
Бендера (Частные детективы
Лола и Леня Маркиз)», книга 34
Серия «Смешные детективы»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51393972

Цацки из склепа : роман / Наталья Александрова: Эксмо; Москва; 2020

ISBN 978-5-04-109197-2

Аннотация

«Слово клиента – закон», – всегда полагал известный ювелир Миллер, привыкший к капризам богатых заказчиков. Но каково же было его удивление, когда поразительной красоты изумруд клиентка попросила вставить ни в кольцо, ни в колье, ни даже в диадему, а в... собачий ошейник. Она так обожала своего песика, что даже похоронить его решила с бесценным украшением. Но когда Миллер увидел тот самый изумруд среди драгоценностей одной светской дамы, он испытал двойной шок. Только знаменитому аферисту и специалисту по щекотливым делам Лене Маркизу и его бессменной помощнице Лоле по плечу это сложнейшее дело. А для того чтобы выяснить, куда делся

драгоценный ошейник, им придется заглянуть в кладбищенский склеп и потревожить его обитателей...

Книга в новой редакции, ранее выходила под названием «Мышеловка для бульдога»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

83

Наталья Александрова

Цацки из склепа

– Что-о? – Лола разинула рот так широко, что при желании Маркиз мог бы поглядеть, что у нее там в горле.

Но его не интересовали гланды своей боевой подруги, честно говоря, он вообще не испытывал к ней никакого интереса, в данный момент у него было одно, но страстное желание – оказаться от Лолы как можно дальше. Другая комната не подойдет – слишком близко, другая квартира – тоже, Лолка придет сейчас в такое состояние, что взглядом сокрушит стены. Другой дом – возможно... лучше – другой город. А еще лучше – другая страна, как можно более далекая. Или у нас в России где-нибудь в тайге окопаться, в самом дальнем углу...

Но, как говорится, мечтать не вредно. Леня Маркиз был реалистом, поэтому прекрасно знал, что персональное бомбоубежище ему никто не предоставит.

Он расправил плечи и посмотрел Лоле в глаза как можно тверже.

– Ты слышала, – сказал он, – не делай вид, что ничего не поняла.

Он со стыдом понял, что голос его звучит очень неуверенно. Леня Маркиз боялся своей подруги. Точнее, того скандала, что она может устроить. А в том, что Лолка сейчас устро-

ит первоклассный, огромный, фантастический скандал, Леня не сомневался. И все-таки решился на этот разговор, точнее, у него просто не было выбора.

Лола попыталась что-то сказать, но рот не хотел закрываться, челюсть заклинило. Наконец с огромным трудом она захлопнула рот. Тогда выпучились глаза, потому что Лолу просто распирало то, что она услышала. Но Лола была не просто истеричная дамочка, когда нужно, она умела взять себя в руки.

Усилием воли она водворила глаза на место, потом разлепила губы и приказала:

– Немедленно повтори, что ты сказал!

Леня понял, что ему не отвертеться. Он глубоко вдохнул, как перед прыжком в ледяную воду, втянул голову в плечи и сказал по возможности твердо:

– Мы должны похоронить Пу И.

И тут же отскочил в сторону, поскольку знал уже, что после таких слов Лола немедленно швырнет ему в голову все, что попадет под руку. К счастью, этот разговор происходил не на кухне, где у Лолы висело по стенам и стояло на полках множество разных подходящих предметов, как то: медные сковородки, джезвы для заваривания кофе, безмен с фигурной ручкой, который Лола откопала на толкучке в своем родном городе Черноморске, фаянсовая миска, расписанная цветами, размером с хороший таз, медная ступка с пестиком. Все эти предметы в хозяйстве Лолой не использовались, а

висели и стояли на кухне исключительно для красоты. Но, как известно, раньше вещи делать умели, то есть все было добротное и крепкое, а главное – тяжелое, так что если попадет по голове, то мало не покажется.

В гостиной Лола могла швыряться цветочными горшками, но ей было жалко цветов, в прихожей – сапогами и зонтиками, это был наилучший вариант. В данный момент они находились в Лолиной спальне, так что Лене угрожала опасность только от подушек, но все же вдруг Лолка не пожалеет своих драгоценных фиалок и запустит ему в голову горшок?

Леня Маркиз мастерски умел уклоняться от подобных сюрпризов, поскольку когда-то давно работал в цирке и имел потрясающую, просто феноменальную реакцию.

Но сегодня его боевая подруга была явно не в лучшей форме, она была так потрясена его предложением, что Лене стало ясно: Лолка не боец. Однако он не стал расслабляться, поскольку дело еще не сделано.

– Дорогая, – Леня осмелился сделать малюсенький шагок в Лолину сторону, – успокойся и послушай внимательно.

Но куда там! Лола не слышала его слов, она потихоньку входила в раж.

– Ты это серьезно? – спросила она. – Ты осмелился предложить мне такое?

Леня счел ее вопросы риторическими и благоразумно не стал отвечать. Видя, что он молчит, Лола продолжала, постепенно повышая голос:

– Боже мой, боже мой! Не ослышалась ли я? Это ужасно! Ты... как ты мог? Как ты посмел предложить мне такое? По-хоро... нет, я не могу выговорить это слово! Пу И, мальчик мой, ты слышал, что сказал этот... этот... монстр, этот убийца собак?

– Но-но... – запротестовал было Маркиз, но Лола не дала ему договорить:

– Молчи! Молчи, несчастный! И этому человеку я верила! Мало того, что я считала его порядочным, я была настолько наивна, что доверяла ему самое дорогое, что у меня есть, – Пу И!

Леня понял, что скандал еще только начинается, что то, что Лолка говорит сейчас, – это, выражаясь спортивным языком, легкая разминка перед игрой.

Он попытался обойти кровать, аккуратно переступая ногами, как попугай на жердочке.

Когда Лолка окончательно войдет в раж, неплохо, чтобы между ними было кое-что широкое и большое. Кровать очень подходила. Лолка ведь может броситься на него, чтобы придушить голыми руками. Другое дело, что это у нее вряд ли получится, Леня очень ловко научился уворачиваться от ее длинных накрашенных ногтей. Но Лолку это не остановит.

В это время шелковое покрывало цвета увядшего шиповника зашевелилось, и показался черный блестящий нос, а за ним любопытный глаз и ушко.

– Пу И, – сказал Леня обреченно, – ну ты хоть веришь,

что я никогда не желал тебе плохого?

Пу И промолчал. Он вылез из-под покрывала, и стало видно, что это песик породы чихуа-хуа, рыже-коричневый и пушистый.

– Не смей с ним разговаривать! – загремела Лола. – Ты недостойн даже смотреть на него! Ты не смеешь к нему обращаться, предатель! Ирод, убийца собак!

– Кажется, Ирод убивал детей... – с сомнением проговорил Леня, – впрочем, я не уверен...

Лола схватила песика и осыпала его поцелуями.

– Пуишечка, детка! – слова сквозь чмоканье пробивались с трудом. – Мамочка не даст тебя в обиду. Имей в виду! – обратилась она на этот раз к Лене. – Я готова на все! Если ты немедленно не откажешься от этой ужасной мысли и не будешь на коленях просить прощения у Пу И, я уйду из дома! Навсегда!

Маркиз попятился и уперся в стену.

Лола прижала песика к груди и зарылась лицом в шелковистую шерсть. Пу И делал слабые попытки вырваться.

Леня сложил руки на груди и тяжело вздохнул. Ну за что ему такое наказание, за какие грехи? И как ему убедить прямую Лолку, что он сам любит песика и не причинит ему ни малейшего вреда?

Полночи не спал, все думал, как уговорить Лолу. И вроде бы с утра все было нормально.

Леня заварил кофе и сбежал в угловую кондитерскую за

свежими булочками. Лола благосклонно выпила кофе и решила пройтись с Пу И.

Леня долго готовился к тяжелому разговору, зная уже в душе, что его ожидает.

Лола явилась с прогулки веселая и румяная, потому что погода сегодня стояла просто прекрасная для осени: ласково светило солнышко, в парке на фоне синего неба замечательно смотрелись гроздья рябины, воздух был прохладен, свеж и прозрачен, легкий ветерок шевелил желтые листья, и они падали иногда с тихим шелестом на землю.

Пользуясь хорошей погодой, они с Пу И пошли в дальний парк, и там песик вволю побегал по газонам, усыпанным опавшими листьями, и даже познакомился с очень миленькой девочкой породы померанский шпиц персикового цвета, которая отлично смотрелась на фоне золотистой опавшей листвы.

Лола принесла с прогулки большой букет кленовых листьев и целый карман каштанов. Было так интересно отыскивать их в траве.

Словом, Лола была в дивном настроении, и Леня Маркиз мысленно возблагодарил судьбу за то, что погода нынче прекрасная, и Лола примет его предложение если не с благосклонностью, то во всяком случае хоть выслушает. Возможно. Хотя хорошо развитая интуиция и здравый смысл подсказывал ему, что задача перед ним стоит почти невыполнимая.

Почти. Один маленький, малюсенький процентик и включает это «почти».

О господи, до чего же трудно с этой Лолкой!

Но выбора у него нет, сейчас только от Лолки зависит, выполнят или не выполнят они задачу, а стало быть, сохранит или не сохранит он, Леня Маркиз, свою репутацию.

Леня Маркиз имел очень редкую и специфическую профессию – он был мошенником. То есть жуликов разного калибра в наше время хватает, но профессиональный мошенник высокого класса – это совсем другое.

Как и его великий предшественник Остап Бендер, Леня Маркиз знал четыреста способов безболезненного отъема денег у доверчивых граждан. И не слишком доверчивых. То есть чем сложнее и опаснее была операция по отъему денег, тем Лене было интереснее.

Еще он никогда не работал по мелочи, то есть не обманывал пенсионеров, вдов и сирот. Он утверждал, что бедного человека обмануть выйдет себе дороже – хлопот много, а результат почти нулевой.

Его подруга Лола на это только посмеивалась, твердо зная, что Ленька не чужд некоторой жалости. Тоже еще, нашелся Робин Гуд!

На самом деле так и было, только Маркиз в этом даже себе предпочитал не сознаваться.

С Лолой познакомились они случайно, и тут же выяснилось, что Лола очень подходит для Лениной профессии. Ло-

ла была актрисой, то есть мастерски умела гримироваться, перевоплощаться и менять голоса. Они много и плодотворно работали вместе. Лола была капризна, взбалмошна и ленива только до тех пор, пока не наступало время работать. Тогда она становилась послушной и дисциплинированной. Только вот заставить Лолу работать было очень и очень трудно.

Обычно Леня разрабатывал свои хитроумные операции самостоятельно, но иногда, а в последнее время все чаще, он брал заказы.

Обеспеченным людям всегда требуется ловкий неболтливый человек, способный выполнить некоторые щекотливые поручения, а именно: не привлекая внимания компетентных органов, вернуть украденное или же тихо и профессионально избавить клиента от шантажиста. Не подумайте плохо, никакого членовредительства и запугивания, Леня Маркиз утверждал, как и его знаменитый предшественник, что он свято чтит Уголовный кодекс. И так же, как незабвенный Остап Бендер, в этом плане Маркиз несколько кривил душой.

Итак, дела шли неплохо, Маркиз был довольно широко известен в узких кругах как человек обязательный, у которого не бывает проколов. Во всяком случае никто об этих проколах не слышал. Леня свято берег свою репутацию.

«Прямо как дочь аристократа на выданье», – ехидно говорила Лола, когда ей хотелось повредничать.

Но справедливости ради следует отметить, что такое бы-

вало довольно редко. В основном компаньоны жили довольно дружно.

Кроме Пу И, в доме обитали еще два домашних любимца, которыми парочка успела обрасти за без малого три года плодотворного сотрудничества. Один был огромный кот, пушистый, угольно-черный, с белой манишкой. Если Пу И был Лолин, то кот, несомненно, выбрал хозяином Маркиза. Впрочем, с котами ведь никогда не понять, кто – хозяин, а кто – питомец.

Маркиз назвал кота в честь своего старого друга и учителя Аскольда, кот был до того похож на него повадками, что Леня иногда всерьез задумывался о переселении душ.

И еще жил в квартире большой разноцветный попугай породы ара. Попугай влетел однажды в неосмотрительно открытую Лолой форточку морозным зимним днем, да так и остался жить. Несмотря на то, что Лола развесила в квартале объявления «Найден попугай, большой, красивый и так далее...», никто не отозвался.

Леня утверждал, что хозяева попугая нарочно оставили дома открытое окно и перекрестились, когда попугай улетел.

Некоторая доля правды в его словах, несомненно, была, поскольку Перришон, как называли попугая, имел совершенно отвратительный характер. Он плевал на пол шелуху от семечек, больно клевался и выражался неприличными словами. Никаких Лолиных увещаний он не признавал. Еще он повадился гадить на Ленины безумно дорогие пиджаки, чем

порадовал Лолу, поскольку Маркиз научился-таки убирать одежду в шкаф. Но Леня в сердцах пообещал свернуть мерзкой птице шею, и попугай испугался, поскольку Маркиз хоть и был мягок в общении и неконфликтен, но слово свое всегда держал.

Однако характер не изменишь, и Перришон время от времени подговаривал зверей совершить какую-нибудь каверзу. В общем, компаньоны и их питомцы отнюдь не скучали.

К своим операциям Леня, кроме Лолы, привлекал мало людей. Но вот для консультаций была у него записная книжка, где список имен внушал уважение. Были там самые разные люди – продавцы антикварных магазинов, научные работники, коллеги по цирку, и среди них почетное место занимал ювелир Иван Францевич Миллер.

С Иваном Францевичем Леня был знаком давно, знакомство это перешло к нему по наследству от его учителя Аскольда, а стало быть, было для Маркиза особенно ценно.

Иван Францевич был из русских немцев, когда-то давно еще мальчиком в ссылке в далеком Казахстане его взял к себе после смерти матери старый ювелир, который работал еще при дворе. Он научил смышленного мальчика всему, что знал сам.

Кроме того что Миллер был ювелиром от Бога, он еще знал все о драгоценных камнях, об их истории. Так что Леня неоднократно пользовался его обширными познаниями.

И вот две недели назад Миллер позвонил ему сам. Ска-

зал, что ему необходимо с Леней поговорить по важному делу, и пригласил к себе. По причине преклонного возраста Иван Францевич редко выходил из дома. Он присовокупил, что дело срочное, и заинтригованный Маркиз отправился на встречу.

Леня остановился перед дверью квартиры. Это была обыкновенная дверь в обыкновенном подъезде, довольно обшарпанная, явно нуждающаяся в свежей покраске. Никому постороннему не пришло бы в голову, что скрывается за этой дверью...

Впрочем, Леня не был посторонним.

Он нажал на кнопку звонка и приготовился к ожиданию – однако почти сразу услышал шумное дыхание и хриплый голос, который недовольно проговорил:

– Кого еще нелегкая принесла?

– Парфеныч, это я, Леонид!

В ответ на его слова раздалось лязганье замков, и дверь медленно, тяжело отворилась.

Слишком медленно и тяжело для обыкновенной двери в обыкновенном подъезде. Впрочем, теперь было видно, что дверь эта далеко не обыкновенная – это была массивная, толстая бронированная дверь вроде тех, какими закрывают банковские хранилища. И замок на этой двери был необычный – особо надежный взломоустойчивый замок знаменитой швейцарской фирмы.

Дело в том, что за этой дверью проживал один из старейших и известнейших ювелиров нашего города Иван Францевич Миллер.

Безопасность Ивана Францевича и его знаменитой коллекции драгоценных камней и ювелирных изделий обеспечивала не только и не столько бронированная дверь со швейцарским замком, сколько человек, который сейчас впустил Леню в квартиру – его старый охранник и в то же время камердинер Парфеныч.

Парфенычу было уже за шестьдесят, но его широкие плечи, длинные и мощные, как у гориллы, руки и скупые, вкрадчивые движения говорили о том, что он запросто может голыми руками справиться с двумя-тремя молодыми бандитами. Кроме того, рядом с Парфенычем, как всегда, стоял его друг и помощник – кавказская овчарка по кличке Штурм.

– Иван Францевич меня ждет, – проговорил Леня, опасливо покосившись на Штурма, который слегка опустил нижнюю губу, демонстрируя свои огромные клыки – не потому, что Леня внушал ему недоверие, а просто для порядка.

– Ждет, – подтвердил Парфеныч и отступил в сторону, пропуская Леню в коридор. – Дорогу сам найдешь?

– Само собой! – И Маркиз отправился в кабинет хозяина.

Иван Францевич привстал из-за стола, поздоровался с Леной и указал ему на удобное гостевое кресло.

– Что случилось, Иван Францевич, дорогой? – спросил Леня после обмена приветствиями, – Обычно я прошу вас о

консультации, а сегодня вы сами меня вызвали!

– Не вызвал. – Миллер поморщился. – Не вызвал, а пригласил! Кто я такой, чтобы вызывать вас, Ленья?

– Ну, согласен, я неудачно выразился. Все же, что случилось?

– Неприятная история, Ленья. – Ювелир вздохнул. – Очень неприятная. Вы знаете, что я сейчас работаю немного, берусь далеко не за всякий заказ – денег я заработал уже достаточно, до конца жизни потратить их все равно не успею, да, честно говоря, и возраст уже не тот. Однако я охотно берусь за работу в том случае, если сама работа представляет для меня профессиональный интерес. Или камни, с которыми приходится иметь дело. Так вот, некоторое время назад ко мне пришла одна весьма эксцентричная и богатая женщина и положила на этот стол камень.

Миллер посмотрел на обитую зеленой кожей столешницу, как будто этот камень все еще лежал там, и его глаза вспыхнули.

– Это был изумруд. Но не просто изумруд. Очень крупный, очень красивый, очень чистый, замечательного глубокого цвета. Один из тех камней, которые достойны носить собственное имя. И у этого камня было имя – в каталогах ювелирных аукционов он называется «Граф Фуэнтес». Он назван так по имени первого владельца, португальского военачальника, который привез этот камень из Бразилии. Так вот, эта женщина положила на мой стол изумруд «Граф Фу-

энтес» и сказала, что хочет заказать мне ювелирное изделие с этим камнем. Честно скажу вам, Леонид, я обрадовался. Любой настоящий ювелир на моем месте обрадовался бы, если бы ему доверили такой уникальный камень. Связать свое имя с таким камнем – это значит вписать его в историю ювелирного дела.

– Думаю, Иван Францевич, ваше имя и так туда вписано... – подал реплику Маркиз.

– Ну, кое-что я действительно сделал довольно неплохо, – скромно возразил ювелир. – И какое-то имя у меня есть, но – только в масштабах нашего города, максимум – страны, а так... так мое имя вошло бы в мировую ювелирную историю! Впрочем, я отвлекся... – Иван Францевич поднял взгляд на Леню и продолжил:

– Короче... я спросил, что хотела бы получить хозяйка камня – браслет, ожерелье, диадему? Для перстня камень великоват, о серьгах нечего и говорить – камень уникален, второго такого не существует в природе, а делить его на две части – кощунство... и как вы думаете, Леонид, что она мне ответила?

– Понятия не имею, – честно признался Маркиз.

– И ни за что не догадались бы! Она сказала, что хочет вставить этот камень в ошейник.

– В ошейник? – удивленно переспросил Леня. – Вы имеете в виду...

– Вот-вот, я сначала тоже не поверил, решил, что она

неудачно выразилась.

– Вы имеете в виду колье? – спросил я хозяйку камня.

– Нет, я же, по-моему, достаточно ясно выразилась, – ответила она в некотором раздражении. – Я хочу вставить этот камень в ошейник! В ошейник для Персиваля! Вы что, не знаете, что такое ошейник?

– Вы имеете в виду собачий ошейник? – на всякий случай уточнил я.

– Собачий? – недовольно проговорила она. – Я не люблю, когда Персиваля, моего маленького друга, называют собачкой. Он – не собака, он – маленький ангел, по воле случая попавший в наш ужасный мир! Вот, взгляните на него – вы сами поймете! – И она показала мне несколько фотографий собачки.

– Ну, и как собачка? – осведомился Маркиз.

– Вы знаете, Леонид, я не слишком хорошо разбираюсь в породах собак, – признался ювелир. – Ну, собачка и собачка. Из тех, которых дамы носят в качестве аксессуара...

– Ну и как – вы взялись за этот заказ?

– Сначала я хотел было отказаться... все же украшать собачий ошейник – это как-то унижительно для настоящего художника, каковым я себя считаю... но потом... потом я подумал, что никогда себе этого не прощу. Держать в руках такой уникальный камень и не приложить к нему руки – это непростительно для ювелира. Кроме того, я вспомнил выдающихся ювелиров начала двадцатого века, золотого перио-

да стиля модерн – Карл Болин, Рене Лалик, Карл Фаберже не гнушались изготавливать украшения для домашних животных, в том числе для собак. Я сам видел ошейник для борзой работы Фаберже, украшенный крупной бирюзой. Конечно, вставлять в ошейник такой уникальный изумруд – это что-то новое, но в конце концов воля владельца – закон...

– Короче говоря, вы согласились.

– Да, согласился, – Миллер кивнул, – хозяйка оставила мне камень, и я принялся за работу. Вы знаете, когда этот камень оказался у меня в руках, я забыл обо всех своих сомнениях и колебаниях. Этот камень... он так прекрасен! Я думал только о том, как сделать его еще красивее, как создать достойную его оправу, как сделать из него законченное произведение искусства. И уверяю вас, у меня получилось весьма неплохо...

– Зная вас, – проговорил Леня, заполняя возникшую паузу. – Зная вас, я не сомневаюсь, что вы создали настоящий шедевр!

– Ну, не буду скромничать – вещь получилась и правда вполне приличная.

– Я рад за вас. Но чего вы хотите от меня?

– Подождите, Леонид, я еще не закончил рассказ. Завершив работу над ошейником, я хотел сообщить об этом заказчице. Однако, когда я позвонил ей, я едва узнал ее голос. Она была буквально убита горем.

– Что же случилось?

– Ее любимый песик, тот самый Персиваль, умер.

– Отчего? – испуганно спросил Леня, невольно вспомнив про Пу И. – Ведь, как я понял, песик был молодой?

– Молодой и очень непослушный. Как-то на прогулке он нашел кусок колбасы, хозяйка попыталась отнять ее, но Персиваль успел съесть свою находку. И это закончилось трагически – то ли колбаса была отравлена, то ли просто испорчена, то ли нежный желудок Персиваля не смог переварить такую грубую пищу, только через несколько часов он умер в страшных мучениях.

– Надо же! – проговорил Леня сочувственно. – Я всегда слежу за Пу И на прогулке, но он тоже такой непослушный...

– Так вот, – продолжил Миллер. – Я спросил заказчицу, что мне делать с ошейником, не хочет ли она сделать другой заказ, но она твердо заявила, что заберет у меня ошейник и заплатит, как было условлено.

В первый момент я растерялся и просто не знал, что ей ответить, поэтому попросил приехать. Честно говоря, я подумал, что у нее есть еще одна собачка, для которой она и хочет купить ошейник.

Она приехала в тот же день, и, знаете, я ее едва узнал – настолько она изменилась и постарела от горя. Однако, увидев ошейник, она словно ожила, всплеснула руками и проговорила:

– Прекрасно! Я представляю, как замечательно будет смотреться мой дорогой Персиваль в этом ошейнике!

– Простите, – произнес я в недоумении. – Но ведь вы сказали, что ваш песик умер?

– Совершенно верно, – ответила она. – Мой дорогой Персиваль скончался. И я хочу похоронить его в этом ошейнике. Он будет в нем просто прекрасен!

Я буквально лишился дара речи.

– Но как же... – проговорил я наконец. – Зарыть в землю такое уникальное украшение... зарыть в землю такой бесценный камень, единственный в своем роде...

– Кто вам сказал, что я собираюсь зарывать его в землю? – возмущенно перебила меня заказчица.

– Вы, только что...

– Персиваля не будут зарывать! Я никогда не согласилась бы зарыть моего дорогого друга в землю! Он будет забальзамирован по самой современной технологии и похоронен в собственном склепе на кладбище домашних любимцев «Тенистый уголок»! Я смогу время от времени навещать его, и я хочу, чтобы мой дорогой, мой любимый Персиваль и после смерти был так же прекрасен, как при жизни! У него должно быть все самое лучшее!

Я окончательно растерялся, не знал, что ей ответить. Честно говоря, я был буквально шокирован. Ведь, как всякий художник, я рассчитывал, что мою работу увидят люди, что она будет по достоинству оценена. Пусть даже это собачий ошейник – но он на редкость красив, он – произведение искусства... но заказчица меня не слушала, она забрала

ошейник, расплатилась со мной за работу и уехала.

Миллер снова замолчал.

– И чего же вы хотите, – неуверенно проговорил Маркиз. – Чтобы я проник на это кладбище и достал ошейник? Но, Иван Францевич, при всем уважении к вам, осквернение могил – это не мой профиль, пусть даже это могила песика!

– Боже упаси, Леонид, как вы могли такое подумать! – возмутился Миллер. – Постойте, история еще не закончена. Через два дня заказчица сама мне позвонила и попросила меня приехать на похороны. Сначала я хотел вежливо отказаться под благовидным предлогом, но потом у меня мелькнула мысль, что в последний момент она передумает хоронить своего пса в ошейнике, и я согласился.

Кладбище «Тенистый уголок» оказалось совершенно удивительным местом. Это действительно старый тенистый парк, огороженный высокой каменной стеной, за которую не могут заглянуть любопытные. Ворота кладбища охраняются, как военная база, внутрь впускают только владельцев участков и их гостей. Внутри в несколько рядов расположены склепы, и, уверяю вас, ничего подобного вам не приходилось видеть. Каждый склеп – это подлинный архитектурный шедевр! Там есть маленькие копии греческих храмов, римских вилл, готических соборов, египетских пирамид, есть копия мавзолея – того, что на Красной площади, есть маленький Тадж-Махал...

– Ну надо же! – восхитился Леня и тут же добавил: – Лишь

бы Лолка про это кладбище не узнала...

– Для Персиваля был подготовлен склеп в виде греческого Парфенона, – продолжил Миллер. – Людей на похоронах было совсем немного – как сказала заказчица, только самые близкие. Песик лежал на подушке красного бархата и выглядел совершенно как живой. Мой ошейник смотрелся на нем великолепно, и у меня буквально сердце разрывалось, когда я думал, что такая прекрасная работа будет навеки скрыта от людских глаз. Но если я думал, что хозяйка в последний момент передумает и заберет ошейник – то я ошибался.

На похоронах присутствовала ее близкая подруга, и перед ней заказчица никогда бы так не унизилась.

Короче, сотрудники похоронной компании со всеми возможными почестями внесли Персиваля в склеп, положили его в мраморный саркофаг не хуже того, в котором покоились египетские фараоны, и закрыли крышку. Я был очень огорчен – но что мне оставалось?

Прошло некоторое время. Хозяйка Персиваля уехала в кругосветное путешествие, чтобы вдали от родины пережить свое горе, а я начал забывать уникальный изумруд и связанное с ним разочарование.

И тут кое-что случилось...

Я время от времени просматриваю журналы, в которых есть разделы светской хроники. Вы прекрасно знаете, Леонид, что так называемой светской жизнью я не интересуюсь, и эти журналы просматриваю только для того, чтобы отсле-

дить тенденции моды на ювелирные изделия. Мне полезно знать, какое кольцо надела на приеме третья жена знаменитого миллиардера и какие серьги были на дочке сенатора во время благотворительного аукциона.

– Я понимаю, – кивнул Маркиз. – Я тоже стараюсь просматривать профессиональную прессу...

Он не уточнил, какую прессу имеет в виду, а ювелир не стал задавать вопросы – он продолжил свой рассказ.

– Так вот, листая очередной гляцевый журнал, я увидел фотографию известной светской львицы, бывшей жены крупного банкира, прославившейся тем, что при разводе сумела ободрать своего мужа как липку. Так вот, на этой даме было кольцо с очень крупным изумрудом. Фотограф специально сделал снимок так, чтобы этот изумруд был хорошо виден, а в подписи под снимком я прочитал, что этот бесценный изумруд – одно из сокровищ, которые предприимчивая дама сумела получить при разводе.

– И что же вас удивило в этом снимке? – спросил Маркиз, уже догадываясь, каким будет ответ.

– На этой даме был хорошо знакомый мне камень – изумруд «Граф Фуэнтес».

– Вы уверены? – на всякий случай спросил Леня.

– Почти уверен, – ответил Миллер после секундной заминки. – Конечно, это все же только журнальная фотография... если бы я сам, своими глазами увидел камень, я бы несколько не сомневался, а так – какие-то сомнения все же

остались. С другой стороны, я сам работал с этим камнем и почти уверен, что это он. Во всяком случае я не знаю другого изумруда такого размера, такой формы и такого редкого оттенка.

Ювелир сделал небольшую паузу и пристально взглянул на своего собеседника:

– Вот почему, Леня, я и пригласил вас сегодня. Я хочу, чтобы вы помогли мне избавиться от сомнений, помогли убедиться в том, что я не ошибся...

– То есть вы хотите, – уточнил Леня, – вы хотите, чтобы я... м-м-м... раздобыл кольцо этой светской львицы?

– Ни в коем случае! – Ювелир замахал руками. – Упаси боже! Такого у меня и в мыслях не было! Я хотел только, чтобы вы проверили, на месте ли камень, который был на Персивале в день его похорон. Если изумруд по-прежнему находится на шее собачки – значит, все в порядке, и светская львица нашла где-то камень, удивительно похожий на тот, с которым я имел дело... но если камня там нет...

– А не может так быть, что хозяйка камня, хозяйка покойного Персиваля просто передумала оставлять такой дорогой камень в склепе и забрала его после похорон, а потом без лишнего шума продала той самой светской львице?

– Я об этом думал, – признался ювелир. – Однако убедился, что это невозможно: хозяйка Персиваля уехала в свое путешествие сразу после похорон песика. Она физически не смогла бы забрать камень из склепа. Но в любом случае нуж-

но убедиться, что его там нет, только после этого можно будет сделать окончательные выводы. Поэтому я и обратился к вам, Леня, как к специалисту высокого класса. Для вас, я думаю, не составит большого труда проверить, на месте ли камень, а я заплачу вам, сколько вы сочтете нужным...

– Об этом не может быть и речи! – запротестовал Маркиз. – Я так часто обращаюсь к вам за советом и консультацией, что считаю себя вашим должником и буду только рад, если смогу чем-то отплатить вам! Тем более что работа предстоит пустяковая – заглянуть в кладбищенский склеп и проверить, на месте ли собачий ошейник...

– Нет-нет, – возразил в свою очередь ювелир. – То, о чем я вас прошу, – серьезная работа, а за работу я всегда плачу. Кроме того, это не так просто, как кажется на первый взгляд, – кладбище, где похоронен Персиваль, очень хорошо охраняется, и посторонних туда не пускают.

– Ладно, мы как-нибудь решим этот вопрос, – отмахнулся Маркиз. – А сейчас я был бы весьма вам признателен, если бы вы показали мне хорошую фотографию камня.

Миллер был готов к этой просьбе. Он выдвинул верхний ящик стола и положил перед Маркизом крупную и отчетливую фотографию изумруда в изящной золотой оправе.

Леня присвистнул – камень и правда был удивительно красив, по цвету он напоминал морскую воду, пронизанную полуденными солнечными лучами.

«Вот бы Лолка посмотрела...» – невольно подумал Леня.

Его напарница, как и любая женщина, была неравнодушна к драгоценным камням. Но Леня тут же опомнился – лучше не надо Лоле видеть этот снимок. Начнет ныть, канючить, жаловаться, что никто ей не покупает драгоценностей и вообще не любит. Не бросается исполнять каждое ее желание (еще не хватало!), не утешает и не носит на руках. А от этих мыслей перейдет к другим: как бы найти такого человека, который сможет все это делать. На Леню в этом смысле она рассчитывать не может, сама знает.

Иными словами, на Лолку найдет блажь, а именно: она в очередной раз захочет замуж. И тогда начнется у Маркиза веселая жизнь.

Пару раз он сумел ее отговорить от этой мысли, причем с огромным трудом и то только потому, что не было никого подходящего в ближайшем окружении. А если встретится ей какой-нибудь богатый хмырь? Было уже раз такое с банкиром Ангеловым¹, Лолка тогда продержалась дней десять, а потом вернулась, потому что ей стало невыносимо скучно. И Маркиз никогда в жизни ей не признается, что те десять дней были не самыми лучшими в его жизни. Так что лучше Лоле не знать про камень и вообще не говорить про просьбу Миллера.

Сердечно распрощавшись с Иваном Францевичем и пожелав здоровья кавказской овчарке Шторму, Леня закрыл за собой бронированную дверь квартиры ювелира.

¹ Читайте об этом в книге Н. Александровой «Глаз ночи».

Подумав немного, он решил ковать железо, что называется, не отходя от кассы и съездить на разведку прямо сейчас. Для этого он произвел кое-какие действия: достал из багажника наклейку «Доставка цветов», затем поменял пиджак на скромную немаркую куртку и нахлобучил на голову плоскую кепочку, называемую в народе плевком.

Кладбище домашних любимцев «Тенистый уголок» располагалось к северу от города, неподалеку от поселка Осиновая Роща.

Леня свернул с Выборгского шоссе на широкую подъездную дорогу и проехал по ней несколько километров, когда увидел впереди высокие глухие ворота с будкой охраны сбоку. Ворота выглядели весьма внушительно, и он не стал рисковать раньше времени, решив для начала издали обследовать это неприступное заведение.

К счастью, в километре от ворот кладбища находилась заброшенная стройка – несколько недостроенных домов и котлован для еще одного, наполненный грязной глинистой водой. Видимо, этот квартал начали строить во время строительного бума пятилетней давности, а потом застройщик разорился.

Леня свернул на стройплощадку по разбитой автомобильной колее, поставил машину рядом с одним из недостроенных домов. Лестница в этом доме имелась, правда, без намека на перила, и Леня смог подняться по ней на верхний,

десятый этаж.

Отсюда открывался прекрасный вид на окрестности – с одной стороны виднелось черное, недавно убранное поле, с другой – лиственная роща в красно-золотом убранстве. Но Леню интересовал вид с третьей стороны – там, где находилось обнесенное высокой стеной кладбище домашних любимцев.

Отсюда, сверху, кладбище ему было хорошо видно – узкие аккуратные дорожки, вдоль них – ряды внушительных надгробий.

Действительно, как и говорил Иван Францевич, здесь были уменьшенные копии самых знаменитых построек мира – маленький Тадж-Махал и пирамида Хеопса, собор Святого Петра и Пантеон, Шартрский собор и московский Мавзолей...

Наконец среди этих архитектурных шедевров далекого и не очень далекого прошлого Леня заметил копию афинского Парфенона, в которой, по словам Миллера, покоился Персиваль.

Леня вооружился биноклем, навел его на резкость и еще раз осмотрел кладбище. Теперь ему хорошо были видны мелкие детали роскошных склепов, поздние цветы, аккуратно высаженные вдоль дорожек. По одной из дорожек ехал на электромобиле смотритель кладбища, который, вероятно, был и садовником.

Маркиз перевел бинокль на стену и увидел рассыпанное

по ней битое стекло и расставленные через каждые десять метров камеры видеонаблюдения.

– Серьезная организация! – проговорил Леня, наводя бинокль на резкость. – Такое впечатление, что тут не мертвые собачки и кошечки, а золотой запас страны хранится!

Проведя первичный осмотр территории, он спустился на грешную землю и подъехал к воротам кладбища.

Остановившись возле них, посигналил.

Открылась боковая дверца, из нее неторопливой походкой вышел мужчина средних лет в камуфляжном комбинезоне, подошел к Лениной машине.

– Чего гудишь? – проговорил он недовольно. – Чего сигналишь? Чего тишину нарушаешь? Тут не какой-нибудь шалман, извиняюсь за выражение, тут место последнего упокоения, так что имей уважение!

– Открывай, служивый, мне сюда цветы доставить надо, на могилу собачки...

Леня достал из кармана квитанцию и добавил:

– Перси... Персиваль! Участок номер такой-то!

– А пропуск у тебя имеется? – осведомился охранник, недоверчиво разглядывая посетителя.

– Какой еще пропуск? – спросил Леня, разыгрывая искреннее удивление. – Это же кладбище собачье, а не режимный объект и не банковское хранилище!

– Что ты понимаешь! – хмыкнул охранник. – Надо же, сказал – собачье кладбище!

– А что же еще? – переспросил Леня удивленно. – Вот, у меня накладная имеется – доставить цветы на могилу собачки...

– Без пропуска я тебя пропустить не могу! – строго проговорил охранник. – Потому как здесь очень высокая степень охраны. Пропускаем только лично владельцев участков или их доверенных лиц по специальному документу. А у тебя, как я понимаю, никакого такого документа нет, поэтому я тебя пропустить никак не могу! Здесь знаешь какие большие люди своих этих... домашних любимцев хоронят?! – И он поднял глаза к небу, давая Лене понять, в каких высоких сферах вращаются владельцы здешних участков.

– Так чего же мне делать? – вздохнул Леня. – У меня сегодня еще три доставки, а если я вовремя не развезу – цветы завянут, и мне их из своего кармана оплачивать придется!

– Надо было сперва разузнать, как и что! – нравоучительно проговорил охранник. – Ну, ладно, оставь мне свой букет, я его потом смотрителю передам, он положит, куда надо.

– Тебе? – Леня с сомнением оглядел охранника. – А почему я знаю, что ты его положишь, куда следует? Почему я знаю, что ты его, к примеру, теще своей не отнесешь? Может, у твоей тещи сегодня день рождения, а тебе неохота на цветы тратиться!

– А если ты так, так разворачивайся и уезжай сей момент! – окрысился охранник.

– Извини, извини, служилый! – встревожился Леня. – Я

не со зла, я за каждую доставку отвечаю... но ежели ты передашь цветы куда надо, тогда ладно...

Леня достал с заднего сиденья машины заранее приготовленный роскошный букет роз, протянул его охраннику, но в последний момент придержал и спросил:

– А ты у меня в накладной распишешься – мол, получил букет «Осеннее настроение»?

– Распишусь, распишусь! – успокоил его охранник. – Так и быть, я сам человек подневольный, знаю, каково это...

Он поставил в бланке, который подсунул Леня, неразборчивую закорючку и принял у него букет.

В последний момент, передавая букет охраннику, Леня незаметно включил спрятанную среди цветов крошечную видеокамеру.

Охранник с важным видом забрал букет и неторопливо вернулся в свою сторожку.

Леня развернулся и поехал обратно, к городу.

Однако, отъехав примерно на километр, когда его машина была уже не видна от ворот кладбища, он остановился на обочине дороги, заглушил мотор машины и достал из бардачка небольшой прибор с чувствительным экраном, на который передавалось изображение с камеры, спрятанной в букете.

Некоторое время на экране была видна только внутренность сторожки, затем появился кладбищенский смотритель. Охранник передал ему букет вместе с инструкцией, и

теперь на экране показались дорожки кладбища и ряды роскошных надгробий – копии соборов и храмов, знаменитых зданий и дворцов, вдоль которых зритель проезжал на своем электромобиле.

Теперь Леня следил за изображением особенно внимательно.

Зритель остановился перед уменьшенной копией афинского Парфенона. Изображение качнулось, но снова застыло. К счастью, Леня хорошо видел кодовый замок на двери склепа. Он включил режим записи и сам превратился во внимание.

Зритель набрал на замке шифр, замок щелкнул, и дверь склепа открылась. Зритель вошел внутрь и положил букет на надгробие, рядом с саркофагом, в котором покоилась мертвая собачка.

Дальше можно было уже не смотреть – больше все равно ничего интересного не увидишь, тем более, что главное Леня разглядел – код, который зритель набрал на замке склепа.

Теперь можно было переходить к следующей стадии операции.

На этой стадии он подключил к работе своего давнего знакомого по кличке Ухо.

Ухо был прирожденным специалистом по автомашинам, мотоциклам и квадроциклам, скутерам и мотороллерам, а также другим средствам передвижения – в общем, по всему, что движется на двух или четырех колесах и снабжено дви-

гателем внутреннего сгорания. Он мог в два счета починить любое транспортное средство, а мог и угнать его, если в том возникала необходимость. Маркиз часто к нему обращался, если по ходу очередной операции ему была нужна машина – и Ухо его ни разу не подвел. Он мог достать все – от инвалидной коляски до бронированного лимузина, от велосипеда с мотором до гоночного болида.

На этот раз Маркиз поставил перед ним не самую сложную задачу: ему нужен был обычный мусоровоз.

Маркиз взглянул на часы. Стрелка приближалась к двенадцати, а Уха все еще не было.

Он достал из кармана мобильный телефон, набрал номер приятеля и озабоченно проговорил:

– Ну, где ты там?

– Я тебя когда-нибудь подводил? – отозвался тот.

– До сих пор – нет, но сейчас... ты на часы смотрел? Скоро уже двенадцать!

– А ты лучше на дорогу посмотри!

И действительно, в этот самый момент из-за поворота дороги показалась огромная фура с логотипом известной западной транспортной компании. Фура подъехала к Лениной машине и остановилась. Из кабины выскочил Ухо собственной персоной. На нем был любимый промасленный комбинезон.

– Ты меня что – не понял? – спросил Леня, удивленно уставившись на приятеля. – Я же говорил, что мне нужен

мусоровоз!

– Говорил, говорил! Будет тебе мусоровоз! Ты же мне сказал, что клиенты подъедут на своем мусоровозе, а зачем тебе два мусоровоза? Вполне одним обойдешься! Конфисковую мусоровоз у клиентов, и все будет без шума и пыли!

– А фура-то зачем?

– Ну, на чем-то мне надо было приехать. – Ухо развел руками. – Не на велосипеде же! Кроме того, я после нашей операции в магазин собираюсь, за продуктами – надо же их на чем-то везти?

– Сколько же ты собираешься покупать продуктов? – проговорил Леня, разглядывая фуру.

– Куплю сразу побольше, чтобы закрыть этот вопрос. Ну, больше вопросов не имеешь?

– Не имею! – Маркиз снова взглянул на часы. – Только времени у нас в обрез, они через несколько минут подъедут!

– Спокойно! У меня все под контролем!

Ухо стащил свой комбинезон, под которым оказалась форма сотрудника дорожно-патрульной службы.

И в это самое время из-за поворота дороги показался мусоровоз.

– А вот и клиент, – удовлетворенно проговорил Ухо. – Ну, Маркиз, сейчас мой выход, а ты можешь посмотреть и поучиться. Только не путайся под ногами.

– Ну-ну! – Леня отошел за пламенеющий куст боярышника, откуда с интересом наблюдал за приятелем.

Ухо неторопливо вышел на середину дороги и властным движением поднял руку. Мусоровоз остановился, из кабины выглянул мрачный тип в зеленом форменном комбинезоне коммунальной службы. Рядом сидел его молодой напарник.

– В чем дело, начальник? – обратился водитель к Уху. – Нас на объекте ждут!

– Лейтенант Ухорылов! – представился «полицейский». – Ваши документы!

– Да что случилось-то? – проговорил водитель мусоровоза, открывая бардачок.

– Серия угонов! – ответил Ухо доверительным тоном. – Залетная шайка работает, гастролеры, понимаешь! Уже двадцать машин угнали! Резонансное дело!

– Ну, мусоровозы-то они вряд ли угоняют... – с сомнением протянул водитель и подал «полицейскому» стопку документов.

– А вот не скажи... – Ухо покачал головой. – Никогда ни в чем нельзя быть уверенным! Иногда бывает, что как раз мусоровоз кому-то и нужен... – И он положил документы в свою наплечную сумку.

– Чего это он, Степаныч? – забеспокоился напарник. – Нас же на объекте ждут!

– Эй, начальник, в чем дело? – всполошился водитель. – Ты почему мои бумаги забрал?

– А у тебя задних номеров нет! Придется проехать со мной для выяснения обстоятельств!

– Как это – нет? – удивился водитель. – Не может быть!

– Сам посмотри! – Ухо неторопливой походкой обошел мусоровоз сзади.

Водитель выбрался из кабины, пошел за ним.

– Как же нет? – проговорил он удивленно. – Вот же он, номер!

– Где? Правда, есть, только здорово грязные, а это неполадок! Ну, мы это сейчас исправим! – Ухо полез в сумку, достал оттуда небольшой флакон с распылителем, внезапно повернулся к водителю и брызнул в его лицо остро пахнущей жидкостью.

Водитель удивленно вскрикнул, закашлялся и осел на асфальт.

– А ты говорил, что мусоровозы не угоняют! – проговорил Ухо назидательно.

Затем он выглянул из-за заднего борта и окликнул второго мусорщика:

– Эй, парень, подойди-ка, твоему приятелю плохо стало! Он у тебя что – сердечник?

Тот тут же подбежал, склонился над водителем и удивленно проговорил:

– Степаныч, Степаныч, ты чего? Что с тобой?

Степаныч что-то сонно пробормотал.

– Что это с ним? – растерянно спросил парень, повернувшись к «полицейскому».

– А вот что! – Ухо протянул вперед руку с флакончиком

и брызнул в лицо мусорщика.

Тот охнул и упал рядом со своим напарником.

– Эй, Маркиз, помоги! – окликнул Ухо Леню.

Вдвоем они затащили обоих мусорщиков в кабину фуры.

Тут же, в кабине, лежали два зеленых комбинезона. Один из них Ухо надел сам, второй протянул Лене.

– Что с ними-то будет? – поинтересовался Маркиз, кивнув на мусорщиков. – Придут в себя?

– Конечно, – кивнул Ухо, забираясь в кабину мусоровоза. – Отличное средство! Два часа здорового полноценного сна гарантированы! Ты-то за два часа управишься?

– Гораздо быстрее! – заверил его Маркиз.

Мусоровоз выехал на дорогу и покатил к воротам кладбища.

Остановившись у ворот, Ухо посигналил.

Дверь сторожки открылась, оттуда вышел уже знакомый Лене охранник в камуфляже.

– А, мусорщики... – протянул он, потянувшись и подавив зевок. – Документы давайте!

– Всенепременно! – Ухо протянул ему бумаги, которые взял у настоящего водителя мусоровоза.

– Что-то вы сегодня припозднились, – охранник лениво проглядел бумаги и вернул их водителю.

– Пробка на двадцатом километре. Фура с рыбой перевернулась, вся дорога засыпана минтаем и путассу... прикинь – кошки сбежались со всей Ленобласти!

Ворота разъехались, мусоровоз въехал на кладбище.

Леня поразился тому размаху и роскоши, с которыми было оборудовано это кладбище домашних любимцев. Ряды роскошных склепов и величественных монументов утопали в цветах и густой зелени, тронутой красками осени.

Ухо остановил громоздкую машину возле мусорных баков. Леня выскочил из кабины, убедился, что поблизости нет посторонних, и нырнул в густые кусты. Так, прячась позади кустов, он добрался до маленькой копии греческого храма, в которой покоились останки Персиваля.

Леня подобрался к двери сбоку, пожевал подушечку жевательной резинки и залепил объектив установленной над дверью камеры.

После этого он набрал на электронном замке код, открыл двери склепа и вошел внутрь.

Внутри склеп был отделан не менее роскошно, чем снаружи, – натуральный итальянский мрамор, бронза, позолота.

В центре склепа возвышался мраморный, богато инкрустированный саркофаг.

Леня подошел к нему и с немалым трудом снял закрывающую саркофаг мраморную крышку.

Внутри саркофага на подушке алого бархата с золотыми вензелями покоилась хорошенькая жемчужно-серая собачка. Персиваль выглядел совершенно живым, казалось, он просто спит, и, если сюда войдет хозяйка и окликнет его – песик проснется, соскочит на пол и тявкнет, предлагая ей

поиграть.

Но ошейника, ради которого Леня затеял и провернул всю эту операцию, на нем не было.

– Что и требовалось доказать... – протянул Леня и несколько раз сфотографировал собачку, чтобы предъявить снимки Миллеру.

Дело было сделано.

Леня вернул на место крышку саркофага, вышел из склепа, запер замок на двери и так же, кустами, вернулся к мусоровозу.

Ухо тем временем уже заканчивал работу: он погрузил в кузов машины полные баки, поставил на их место пустые.

– А что, – проговорил он, повернувшись к Лене. – Интересная работа! Если завяжу со своей теперешней – перейду на мусоровоз. Кусок хлеба мне обеспечен!

– Чего это ты надумал профессию менять? – с опаской переспросил Маркиз.

– Да нервно как-то стало, – признался Ухо. – Опять же, компаньоны неблагодарные, не ценят мою помощь...

– Это кто это не ценит? – возмутился Маркиз. – Я, например, очень ценю!

– Да ладно, не обижайся, это я так... осень, настроение унылое... на теплое море, что ли, съездить...

Леня поскорее отвернулся, чтобы скрыть удивление: сколько лет он был знаком со своим приятелем и ни разу не слышал, чтобы тот вспоминал про теплое море. Ухо хоть и

любил всевозможные транспортные средства, но никуда не ездил, в основном сидел в своем гараже. А тут вдруг на море собрался, да что он там делать-то будет? И на жизнь жалуются, депрессия у него... Лолке рассказать, может, она разберется?..

Напарники забрались в кабину мусоровоза, подъехали к воротам.

Охранник выпустил их, и они продолжили свой путь.

– Ну как, – спросил наконец Ухо, когда они отъехали от кладбища. – Нашел, что хотел?

– Как раз не нашел, – задумчиво ответил Маркиз. – Но отрицательный результат – это тоже результат...

За таким разговором они доехали до того места, где оставили фуру.

Мусорщики в кабине сладко спали. Напарники перетащили их в кабину мусоровоза.

– Вот будет номер, когда они проснутся и поедут к кладбищу! – мечтательно проговорил Ухо. – Хотел бы я на них посмотреть, как они разговаривают с охранником!

– Лично я поеду домой. – И Маркиз зашагал к своей машине.

– Здоров, Парфеныч! – сказал Леня, поднимая руки, чтобы удобнее было его обыскивать. – И тебе, Шторм, привет!

– Зачастил что-то, – заметил Парфеныч, закончив его охлопывать, – проходи уж!

И Шторм рыкнул Лене вслед – не зло, а так, для порядка. Миллер сидел за столом, перелистывая какой-то журнал. – Ну что, Леонид? – спросил он, подняв голову. – Вам удалось?

– Удалось, – вздохнул Леня, садясь напротив, – и вы были правы, Иван Францевич, камня там нет.

– Так я и думал, – вздохнул, в свою очередь, Миллер. – Дело осложняется, вот, почитайте.

В журнале было помещено интервью с той же бойкой разведенкой, бывшей женой крупного банкира, которой удалось здорово ошипать своего мужа. Журнал был не совсем дамский, но, несомненно, для весьма обеспеченных людей. И претендовал на некую серьезность, то есть в разделе «Блеск и роскошь», к примеру, помещались не только рекламные снимки дорогих украшений, но и краткая история их происхождения или история фирмы, их изготовившей.

Разумеется, в интервью был затронут вопрос о том самом колье с изумрудом.

Дама сказала, что изготовили колье мастера из хорошо известной ювелирной фирмы, которая находилась в Амстердаме. Причем переврала название торгового дома, и вообще было ясно, что она понятия не имеет, о чем говорит. Колье якобы купил ее муж в подарок ей на какую-то там дату.

– Дура! – в сердцах сказал Миллер, когда Леня прочитал статью. – Поймите, Леонид, мое беспокойство. Журнал довольно известный, вполне может прочитать эту статью чело-

век компетентный, и это может повредить моей профессиональной репутации. Теперь я твердо уверен, что камень – тот самый «Граф Фуэнтес». Так что ее муж никак не мог купить его в Амстердаме.

– Понимаю, – кивнул Леня, – учитывая его отношение к ней после развода, он вполне может воспользоваться случаем и устроить скандал.

– Вот-вот, начнется расследование, и в него замешают мое имя. Я, конечно, ни в чем не виноват, но хозяйки ошейника в стране нет, и у меня нет никаких доказательств, только мое слово.

– Оно многого стоит, – ввернул Леня.

– Однако не всегда его достаточно, – вздохнул Миллер, – пойдут слухи, а каково это – на старости лет иметь подмоченную репутацию?

Про репутацию Маркиз очень хорошо понимал, он и сам неустанно пекся о своей собственной.

– Говоря прямо, вы хотите иметь твердые доказательства, что камень с шеи собачки украли, так? – спросил Леня. – То есть я должен найти того, кто это сделал, и выяснить, кому он его продал, так?

– Так, – ответил Миллер, – я вас хочу нанять для выполнения этой работы. И заплачу, сколько нужно.

– О цене договоримся, – усмехнулся Маркиз, – вы меня знаете, лишнего с вас не возьму. Засим позвольте откланяться, работы много. Буду держать вас в курсе.

– Удачи вам!

Едучи домой, Леня решил, что не обойтись ему в этой операции без Лолы, но отложил трудный разговор на утро. Как уже говорилось, заставить его боевую подругу работать было ужасно трудно.

Маркиз встал рано, разогрел в микроволновке венские булочки и заварил ароматный кофе. Потом налил в высокий стакан холодного апельсинового сока, поставил все это великолепие на красивый поднос, всунув туда еще вазочку с одной-единственной желтой хризантемой. Букет принесла вчера Лола, она купила цветы у старушки около метро, ей понравился сочный желтый цвет. Лола, как художественная натура, придавала большое значение оттенкам.

Она неосмотрительно оставила букет на кухне, и кот Аскольд оторвал от стеблей все хризантемы, кроме одной. Кот обожал объедать всяческие цветы. То есть он их не ел, а только откусывал головки. По такому поводу были у него с Лолой трения, переходящие даже в ссоры, и ссоры, переходящие в баталии.

Проще говоря, Лола была кота полотенцем и всем, что попадется под руку. Надо сказать, у нее не очень хорошо это получалось. Причем Маркизу даже не понадобилось вмешиваться, кот сам умел за себя постоять.

Итак, Леня ногой открыл дверь спальни и пропел жизне-
радостно:

– Вставайте, графиня, вас ждут великие дела!

Услышав про дела, Лола тут же ушла с головой под одеяло, хотя и не проснулась полностью. Леня поставил поднос на тумбочку и позвенел в стакане кубиками льда.

– Дорогая, – нежно сказал он, – я принес тебе завтрак.

И внимательно посмотрел на кровать. Одеяло не шевельнулось, но Маркиз прекрасно знал свою подругу и сейчас готов был поклясться, что Лола разглядела уже свежие булочки и унюхала кофе. И ничуть этому не удивился, – когда надо, Лола не то что сквозь одеяло, она и сквозь стены видеть могла!

– Остынет, – предупредил он.

Лола потянулась и уселась на кровати, опершись на подушку, усиленно делая вид, что только проснулась.

Леня знал, что начинать трудный разговор за едой недопустимо, Лола может облить его кофе. Но как же долго эта нахалка завтракала! Все назло ему, нет, скоро, очень скоро его терпение лопнет.

Лола, которая знала своего компаньона так же хорошо, а может, даже лучше, чем он ее, поглядела на него искоса и поняла, что надо остановиться. Тем более кофе был выпит и булочки съедены.

– Ну, и чего ты от меня хочешь? – страдальческим голосом спросила она.

Леня быстренько изложил ей суть дела.

– Изумруд? – протянула Лола с интересом. – Большой?

– Угу, очень большой, значит, ты поняла? Едешь туда, идешь к директору...

– Леня! – заорала Лола трагическим голосом. – Это ужасно! У Пу И нет красивого ошейника!

– Чего? – оторопел Маркиз. – Ты меня слушаешь?

– А как же! – подхватила Лола. – И говорю тебе – это ужасно! Все собаки как люди, а Пу И – как бомж! Я немедленно закажу ему ошейник с драгоценными камнями! Как думаешь – лучше золото или платину?

– Угу, золотой, по бокам серебряный, – согласился Леня, – слушай, хватит уже, а? Надоело...

Лоле и самой надоело, поэтому она пробормотала только, что обязательно купит Пу И самый красивый ошейник, какой найдет, и воззрилась на Леню.

– Слушаю тебя, мой компаньон и повелитель!

– Значит, ты – секретарь вдовы какого-нибудь крупного бизнесмена или просто богатого человека, фамилию сама придумай. Присматриваешь место упокоения ее собачки. Вдова – дама предусмотрительная, все делает заранее. Дай понять, что клиентка – богатая и очень придирчивая, все там осмотри... Лол, ты куда?

– Не учи ученого, – бросила Лола, не оборачиваясь, и скрылась в ванной.

Леня даже удивился, что так легко пошел процесс уговаривания, очевидно, помогло имя Ивана Францевича, которого Лола уважала.

От радости Леня выудил из-под одеяла Пу И и подбросил его в воздух. Песик радостно визжал.

– Что ты делаешь в моей спальне? – процедила Лола скрипучим голосом.

Леня подхватил Пу И и быстренько ретировался, правильно решив, что Лолка входит в образ.

Через двадцать минут Лола вышла в прихожую.

Узнать ее было трудно. На ней был строгий костюм, под ним – простая белая блузка, макияж минимальный, волосы зачесаны гладко. Никаких ярких заколок и вообще никаких украшений, губы покрашены светлой помадой и оттого кажутся узкими, еще очки в тонкой оправе. От всего облика веет арктическим холодом.

– Вы секретарь госпожи Леонтьевой? – спросил Маркиз почтительно.

– Не секретарь, а помощник, – отвечала Лола без улыбки, едва разлепив губы, голос был негромкий и монотонный.

– Без разницы, – заметил Маркиз, отчего Лола слегка поморщилась, – но неплохо, совсем неплохо. Не слишком кислая у тебя морда?

– В самый раз, – ледяным голосом ответила Лола, и Маркиз согласился – ей виднее, в таких делах его партнерша разбирается лучше его. Как-никак, актриса.

Лола не стала сигналить, увидев ее машину, охранник «Тенистого уголка» сам открыл ворота.

– Мне к директору! – бросила Лола, не утруждая себя приветствием.

– Прямо и налево! – так же ответил охранник, сразу же квалифицировав приехавшую бабенку как первостатейную стерву.

Директор оказался вальяжным мужчиной в дорогом костюме, разумеется, в черном. Кабинет у него был большой, обставленный тяжелой основательной мебелью, на окне – темные занавески, на столе – тяжелый письменный прибор, рассмотрев который Лола едва не выпала из образа. Прибор представлял собой настоящий бронзовый катафалк. В карету были запряжены цугом четыре лошади, на запятках стояли воины с копьями, которые являлись перьями. Чернила, надо полагать, наливались когда-то в карету.

Лола вовремя вспомнила, что на лице не должно отражаться ничего, кроме вселенского холода.

– Чем могу вам помочь? – спросил директор, в свою очередь окинув посетительницу внимательным взглядом.

При своей работе он был неплохим физиономистом, так что сразу понял, что Лола не заказчица, а наемный работник. Но сразу видно, что настоящая стерва.

Двое поглядели друг на друга с плохо скрытым презрением.

– Я представляю госпожу Леонтьеву. – Голос был скрипучий, губы едва шевелились, глаза под очками блестели неодобрительно. – Она хотела бы выбрать место для склепа

своего питомца.

– О, примите наши соболезнования! – Директор всплеснул руками. – Госпожа Леонтьева потеряла любимца!

– Это лишнее, – холодно заметила Лола, – собака прекрасно себя чувствует. Просто госпожа Леонтьева очень предусмотрительна.

– Это похвально! – с жаром произнес директор. – Итак, могу я поинтересоваться, какой породы любимец госпожи Леонтьевой?

– Это важно? – процедила Лола.

– Хм... хотелось бы поточнее узнать размеры...

Лола вытащила из сумки папку и сделала вид, что перелистывает бумаги.

– Сорок на двадцать на двадцать... – сказала она.

– Что ж, – сказал директор, – могу предложить вам вот это. – Он подвинул Лоле пачку проспектов – очень красочных, со множеством фотографий.

– Я бы предпочла посмотреть все воочию, – снова процедила Лола, спрятав, однако, проспекты в папку.

Директор посмотрел ей в глаза и понял, что придется ему сопровождать Лолу самому, эта стерва ни за что не согласится удовольствоваться обществом зрителя.

Последующие полтора часа едва ли не были самыми страшными в его жизни.

Директор был человек тертый, на своей должности повидал всякого, но под конец едва мог удерживать на лице

приветливую улыбку, до того хотелось ему эту заразу придумать. Ну вот откуда берутся такие стервы? И ведь, казалось бы, сама – наемный работник, должна солидарна быть, так нет, нарочно будет людей гонять и мучить.

Лола заставила его показать ей все кладбище, долго спрашивала, кто отвечает за уборку и вообще обслуживание, как проходит процесс похорон и каким образом можно навещать своих усопших любимцев. И вот, когда директор всерьез подумывал, не затащить ли ее за ближайший строящийся склеп и не пристукнуть там кирпичом с последующим замуравыванием в стену, Лола взглянула на часы и сказала, что она, так и быть, закончит, поскольку больше ничего выяснить у некомпетентных сотрудников кладбища нельзя. И что, если бы они умели быстро и толково отвечать на вопросы, беседа закончилась бы гораздо быстрее.

Директор мысленно взвыл и пошел в кабинет пить коньяк, чтобы снять стресс. Лола же поехала домой и по горячим следам доложила Лене результаты своей поездки.

– Лепота, – сказал Леня и отодвинул от себя стопку проспектов, эту красоту он уже видел в натуре.

– Там один человек убирает дорожки и чистит эти самые склепы, – говорила Лола, расхаживая по кухне и принюхиваясь, – значит, он знает все коды... а чем это пахнет?

– Не отвлекайся. Значит, смотритель – это номер первый, так? – Леня загнул один палец.

– Да, потом есть еще электрик. В этих склепах нужно под-

держивать постоянную температуру и влажность, представляешь? А то эти... обитатели могут испортиться. И там есть эти... как их... теплостарты...

– Термостаты, – ввернул Леня.

– Не перебивай! – отмахнулась Лола. – Значит, теплостарты и гидромерты...

– Гигрометры!

– Слушай, что ты все время перебиваешь? – завелась Лола. – Если тебе не нравится, как я рассказываю, то ехал бы сам и расспрашивал этого директора. Кстати, тот еще жук! И я бы подумала на него, только выяснила, что он про камень ничего не знает, потому что тогда, когда хоронили Персиваля, он был в отпуске!

– Молчу! – Леня молитвенно сложил руки. – Молчу, дорогая, слушаю тебя внимательно.

– Есть хочется! – Лола подняла крышку ближайшей кастрюли и разочарованно вздохнула – кастрюля была пуста. – Значит, номер второй – это электрик, он тоже коды знает, потому что каждый день обход делает. Слушай, а что, есть совсем нечего?

– Ну, сосисок можно сварить... – неуверенно предложил Леня.

– Сосисок? – возопила Лола. – Да у меня в доме их в жизни не было! Может, еще колбасу вареную пожарить?

– Ты закончила? Что, всего два человека могли проникнуть в склеп?

– Ой, есть еще один тип. Таксидермист!

– О как! Это еще кто?

– Чучельник! Ты же сказал, что несчастный обокраденный Персиваль выглядит как живой! Так вот, это чучело! И этот самый чучельник приходит раз в месяц, чтобы осматривать их. Профилактику проводит! Так вот, сам он код открыть не может, его пускает смотритель. Но там, внутри, он находится какое-то время, так что спокойно мог шпионить камешек, никто и не хватится. Слушай, ну неужели ты в магазин не мог съездить, пока меня не было?

– Спокойно, Лола, с голоду не умрешь! – сказал Леня и открыл дверцу духовки. – Я плов приготовил! Рецепт в Интернете посмотрел. Настоящий, среднеазиатский...

– Ой... – Лола поняла, чем пахнет.

Оказалось, что вместо приправы для плова Леня от души насыпал в плов приправу для рыбы. Но Лола решила не заедаться и не указывать ему на ошибки. В конце концов, человек старался.

Потом они пили чай с пастилой и мармеладом, после чего Лола хотела улизнуть, но компаньон ей этого не позволил.

Нужно было выработать стратегию.

– Значит, получается, что украсть изумруд могли три человека, – проговорил Маркиз, когда его боевая подруга покорила судьбе и села на стул, взяв на колени песика. – Смотритель, электрик и чучельник. Они имеют постоянный доступ к склепам, знают код замка и могут отключить сиг-

нализацию.

– Чучельник – нет, – встряла Лола.

– Знаю, но он оставался один в склепе. Вопрос заключается в том, кто из троих на самом деле похитил камень.

– Я считаю, что это чучельник! – выпалила Лола.

– Почему ты так в этом уверена?

– Потому что он занимается таким ужасным делом! Он работает с мертвыми животными, в том числе с собачками! – Лола импульсивно прижала к себе Пу И.

Песик нервно тьякнул и попытался высвободиться, но это ему не удалось, Лола держала крепко.

– Кошмар-р! – заорал попугай с холодильника.

Перришон был очень недоволен жизнью, в этом доме им явно пренебрегали. Песика Лола постоянно держала при себе, все время тискала и целовала, кот Аскольд осенью становился ленивый и сонный, так что никто из зверей не хотел составить попугаю компанию, чтобы всласть похулиганить.

– Не понимаю, как это связано... – протянул Леня, – при чем тут его профессия.

– Ты никогда меня не понимаешь! – воскликнула Лола. – Мы с тобой совершенно разные люди! Не знаю, как я терплю тебя столько лет! Не понимаю, как Пу И терпит...

– Не примешивай сюда Пу И, – машинально проговорил Маркиз. – Но все же объясни, почему ты подозреваешь именно чучельника? Какие у тебя аргументы?

Перришон, видя такое явное пренебрежение, слетел с хо-

лодильника и уселся Маркизу на плечо.

– Перри хороший... – проворковал он, но Леня был так увлечен разговором, что только отмахнулся.

– По-моему, это ясно! Если человек всю жизнь работает с мертвыми зверюшками и это его не напрягает – значит, он бессердечен! У него нет никаких моральных устоев! Он способен на любой, самый аморальный, самый низкий поступок – а значит, способен украсть у мертвой собачки ее ошейник! – Лола еще крепче прижала к своей груди Пу И, который жалобно заскулил.

– Не знаю, какая-то сомнительная аргументация! – Маркиз покачал головой. – Но раз уж ты подозреваешь чучельника – тебе и карты в руки: проверь его. Сама знаешь – инициатива наказуема!

– Чучельника? – испуганно пролепетала Лола. – Этого ужасного человека? Но я не могу это сделать, я его боюсь!

– Да ничего в нем нет ужасного, – отмахнулся Маркиз. – Нормальный человек...

– Ты жестокий, черствый эгоист! – воскликнула Лола. – Ты бессердечный человек! Ты готов послать меня к черту в пасть! Ты готов отправить меня на панель! Ты готов...

– Лолка, остановись! – Маркиз хорошо чувствовал интонации своей боевой подруги и понял, что она уже играет одну из своих бесчисленных ролей, а проще говоря – дурачится.

– Прекрати! – повторил Маркиз. – Нужно делать дело, и

чучельник ничуть не хуже остальных.

С этими словами он отобрал у нее песика, который едва не задохнулся в горячих Лолиных объятиях.

Перришон, окончательно разобидевшись на хозяев, больно клюнул Леню в плечо и успел перелететь на буфет, так что Маркиз, несмотря на свою феноменальную реакцию, не смог ничего ему сделать.

– Вот паразит какой! – Леня ссадил Пу И на стул и потер плечо.

Лола тоже успела изучить интонации Маркиза и поняла, что он рассердился и шутки закончились, еще и попугай тут подсиропил. Как ни противно, ей придется приниматься за работу. Сама виновата, нечего было выступать.

Она положила перед собой визитку, которую прихватила при беседе с директором «Тенистого уголка».

«Пыхтеев Семен Юрьевич, – было написано простым шрифтом, – таксидермист». И адрес мастерской, и телефон.

– Но как же я к нему попаду? – спросила она как можно жалобнее.

– Ну, это как раз проще простого. – Маркиз едва заметно подмигнул, – возьмешь Перришона, скажешь, что он надоел нам безмерно своим мерзким характером и ты хочешь сделать из него чучело.

– Кошмар-р! – заорал попугай и захлопал крыльями. – Тер-рор-р! Тр-рагедия!

– А что... – Лола задрала голову и задумчиво оглядела по-

пугая, – думаю, чучелом он будет смотреться отлично. Поставим его в гостиную. Там нужно какое-то яркое пятно.

Уверившись, что Лола также против него, Перришон впал в такую панику, что позабыл все слова. Он залопотал что-то на своем попугайском языке, затопал ногами, захлопал крыльями.

– Пошутили! – сказал Леня. – Живи, пока я добрый!

– Дур-рак! – тут же отозвался попугай.

– Нет, ну за что мне это? – огорчился Маркиз. – Лолка, это ты его распустила.

– Ш-ш... – Лола набирала номер, указанный на визитке, и только отмахнулась.

Чучельник ответил сам, Лола сказала, что ей нужно встретиться с ним немедленно.

Получив разрешение приехать в два часа, но никак не раньше, она проигнорировала его вопрос, из какого животного нужно сделать чучело, и повесила трубку.

Глядя в ее заблестевшие глаза, Леня понял, что у его подруги есть уже кое-какие идеи.

– Ну? – спросил Леня, стараясь скрыть недовольство.

Наворотит сейчас Лолка, нужен за ней глаз да глаз. И вообще, что за самодеятельность, ведь мыслящая единица в их тандеме – это он, Леня Маркиз. Он разрабатывает операцию, он ставит задачи. А Лолино дело – эти задачи выполнять. Быстро и качественно. Строго следуя указаниям. И никакой отсебятины.

– Ну? – повторил он, и Лола тотчас поняла, откуда такая холодность в голосе.

Нет, все-таки Ленька противный, ну откуда этот мужской шовинизм? Как всегда, мужчины – самые умные, а женщины годятся только для подсобной работы. Однако следует ему рассказать, чтобы он взял на себя ответственность. В случае чего – с Лолы взятки гладки.

– Понимаешь, – проговорила она, – очень уж этот чучельник беспокоился, чтобы я раньше не пришла. Что у него за дела?

– Ну, может, важный клиент... – хмыкнул Маркиз, – какая-нибудь очень богатая собачка...

– Ой, не говори! – Лола побледнела. – Еще накликаешь беду! Леня! – Тут она сделала большие глаза. – Я знаю, чем он занимается! Кроме животных, он бальзамирует людей!

– Чего? Чучела из них делает? Лолка, тебя заносит!

– И очень даже может быть! – запальчиво заговорила Лола. – Я читала такой детектив, там он учился у египтянина и все делал, как в Древнем Египте! Ужас, до чего страшно!

– Слушай, отбрось посторонние мысли и постарайся сосредоточиться! – рассердился Маркиз. – Не хочешь работать – так и скажи, найду кого-нибудь другого...

– Да где ты найдешь такую дуру... – вскипела Лола, но, посмотрев компаньону в глаза, поняла, что надо остановиться.

Однако все же последнее слово осталось за ней. И, про-

ведя в своей комнате некоторое время, Лола явилась пред светлые очи своего повелителя в полной боевой готовности.

На ней были короткие брючки и высокие сапоги, а также кожаная курточка, отороченная мехом неизвестного науке животного, на голове – круглая кепка. Глаза Лола подвела сильно, так, чтобы они казались круглыми, как у совы, с помощью грима сделала легкую одутловатость щек и морщины от крыльев носа. Причем морщины выглядели так, будто их усиленно стараются скрыть.

– Хм... – пробормотал с сомнением Леня, – эта кепка... Может, лучше без нее?

Лола сдернула кепку. Волосы были начесаны на один бок и обильно сбрызнуты лаком. Прическа напоминала воронье гнездо в тот момент, когда птенцы уже выросли и вылетели из него на белый свет.

– Нда... лучше надень, – сказал Леня.

Лола подъехала к дому, где располагалась мастерская чучельника, когда не было еще и часу. Дом был четырехэтажный, довольно старый. Мастерская занимала весь первый этаж. Дверь была новая, приличная, в витрине рядом были выставлены чучела лисицы, нутрии и фазана. Остальные окна были плотно занавешены.

Лола покрутилась вокруг, как если бы искала место для парковки, и выяснила, что сзади у дома имеется небольшой двор с запертыми воротами, и замок можно было открыть

только ключами.

Лола припарковала машину чуть в стороне возле кругло-суточного магазина и прогулялась пешком. Вокруг не было ничего интересного, район не самый оживленный, народу по дневному времени на улице мало.

Лола обошла дом и остановилась возле ворот. Сплошные ворота, крепкие, ничего через них не разглядеть. На другой стороне переулка дворник мел площадку перед непрезентабельным кафе. Спиной Лола почувствовала подозрительный взгляд дворника и зашла в кафе, чтобы не маячить.

Внешний вид не обманул – внутри кафе было такое же неприглядное, как и снаружи. Пахло отнюдь не кофе, а мало-аппетитной, несвежей едой. Народу не было вовсе. За стойкой скучала тетя обширной комплекции и предпенсионного возраста. На Лолу в ее узких брючках и кепке она глянула с легкой усмешкой.

Кофеварка, как ни странно, в этой богадельне была и даже работала.

Лола выбрала столик у окна и поглядывала через дорогу. У ворот ничего не происходило.

– Что смотришь? – через некоторое время спросила тетя из-за стойки. – Ничего там интересного нету... Улица как улица, никто не ходит, потому как все на работе. Ждешь кого?

На такой прямой вопрос нельзя было не ответить, и Лола тяжело вздохнула и отвернулась.

– Понятно... – тетя вышла из-за стойки и проследила за ее взглядом, – неужто мужика выслеживаешь?

– Да с чего вы взяли? – изумилась Лола.

– Ну, одета ты вроде с претензией, фик-фок на один бок, – протянула тетя, – опять же молодиться сильно, а это о чем говорит?

– О чем? – невольно спросила Лола.

– О том, что мужик у тебя молодой и от тебя загулял! – припечатала тетя. – У меня глаз-алмаз, лучше всякого рентгена, при моей работе человека сразу видно!

Лола порадовалась про себя, как здорово она загримировалась, если даже эта тертая тетка ошиблась на ее счет.

– А вот и ошиблась ты! – Лола решила держаться по-свойски. – Если бы насчет мужика, то проще было бы. А тут другое...

Тетя прочно уселась за стол и подперла рукой щеку, намереваясь слушать.

– Сестра у меня... – Лола вздохнула, – с мужем развелась. Ну, все по-хорошему, он ее не обидел – квартиру ей купил, денег сколько-то выделил, сказал, что еще даст, если что надо, и вообще, будет за ней присматривать.

– Бывают же мужики! – вздохнула тетя.

– Да. И все было бы ничего, если бы не появился у нее этот... таксидермист.

– Что, Симка-чучельник? – вскричала тетя.

– А ты его знаешь, что ли?

– Да как же, иногда приходит он поесть. Мужчина нетребовательный, а у нас не смотри, что просто, готовит повар неплохо, иногда даже вкусно. Симка так и говорит, мне, говорит, Валя (меня Вале́й зовут), главное, чтобы было все натуральное, мясо так мясо, картошка так картошка. Этих всяких изысков не люблю – намешают, переболтают, огромные деньги в ресторане возьмут – а есть нечего, одна видимость. Так чем он тебе не показался-то?

– Да я его и в глаза не видела! – честно призналась Лола. – Только и знаю, что фамилию-имя-отчество, да где живет, да кем работает.

Дальше нужно было врать. Причем врать виртуозно, поскольку тетя, которую звали Валентина, и вправду наблюдательна, ее на мякине не проведешь.

– Это сестра что-то забеспокоилась, – заговорила Лола, отхлебнув остывшего кофе, – у нее, понимаешь, с мужем бывшим договор – как только она замуж выйдет, так он содержание урезает. А этот, Семен Юрьевич, вроде бы и ничего себе, при деньгах, но только на первый взгляд. Он-то ей наплел турусы на колесах – и свое дело у него, и заказы берет на стороне, в общем, без работы не останется. А только боязно как-то...

– Понимаю, – кивнула Валентина, – и замуж хочется, и боится одной остаться. Сестра твоя симпатичная?

– Ага, на меня не похожа, – сказала Лола, вовремя вспомнив про дурацкую кепку. – И главное, муж-то бывший стро-

го так сказал ей, чтобы выбирала человека приличного. Ежели, говорит, какой криминальный тип, то сразу от тебя откренушь. У меня, говорит, бизнес должен быть прозрачным, компаньоны – люди серьезные, нужно свою репутацию беречь, иначе веры не будет.

– Солидный человек... – протянула Валентина, – чего ж она с ним развелась-то?

– По глупости, – вздохнула Лола, – что уж теперь говорить...

– Ну, что я тебе посоветую... – задумчиво заговорила Валентина, – пожалуй, что есть в Симке что-то подозрительное. Вот я тут сижу днем и от скуки в окно смотрю. А дворто его напротив. И вот замечаю я, что больно часто ездит туда фургончик такой, написано на нем «Торты. Пирожные». Зачем ему во двор-то?

– Ну, может, водитель на обед заезжает... Или, к примеру, к женщине знакомой...

– Ага, и через пятнадцать минут обратно, – прищурилась Валентина. – За такое время ничего не успеть. И потом, замок там такой, что только ключом открыть можно или кто-то встретить должен, чтобы ворота открыть. Ворота всегда Симка сам открывает, то есть к нему что-то привозят. А вот что? Пирожных он не ест – сам говорил, что подозрение у него на диабет, так что даже сахар в чай не кладет.

– Интересно...

– То-то и оно, так что передай сестре, пускай она это дело

выяснит. А если он и дальше будет вилять, то... ой, смотри!

К воротам подъехал небольшой фургончик с надписью сбоку «Торты. Пирожные». Ворота тотчас отворились, не ожидая сигнала. Фургон въехал внутрь, затем выглянул мужчина, оглядел подозрительно улицу и закрыл ворота.

– Вон он, Симка-то, – сказала Валентина, – ишь, стережется. Что-то у него творится подозрительное.

– Все сестре расскажу, пускай его отошьет, – пообещала Лола, поднимаясь, – на всякий случай.

– Точно, береженого Бог бережет! – согласилась Валентина.

Распрощавшись с наблюдательной тетей, Лола пошла к своей машине, затем открыто подъехала к дверям мастерской и позвонила. На часах была половина второго.

– Вы пришли раньше, – строго сказал, открывая ей двери, ничем не примечательный мужчина средних лет.

Невысокий, ни худой, ни толстый, темные волосы обрамляют аккуратную плешку, глаза, правда, серьезные, так что по спине у Лолы пробежал холодок. Как-то ей стало неуютно, она почувствовала себя принцессой из сказки, которая, долго блуждая в лесу, набрела на замок и входит туда, не зная, что в замке живет людоед.

Однако нужно приниматься за дело. Чучельник провел ее в небольшую комнату, которая, судя по всему, являлась офисом. Здесь стоял письменный стол, на столе – компьютер, шкаф с папками, полка с журналами и два стула. И ни-

каких чучел.

– Что вы хотели? – спросил чучельник, усаживаясь за стол и кивая Лоле на другой стул.

– У моей тети, – заговорила Лола, незаметно оглядывая комнату, – умерла собака. Черный лабрадор, девочка, зовут Кесси. И тетя хотела бы сделать из нее чучело...

– Зачем? – перебил ее чучельник.

– То есть как – зачем? – Лола запнулась.

– Ну, для чего она хочет сделать из собаки чучело? – Он пристально, не мигая, смотрел на Лолу.

– Слушайте, откуда я знаю, – Лола решила дать волю своему раздражению, – тетя у нас женщина самостоятельная, что хочет – то и делает. Деньги у нее есть, не беспокойтесь, за ценной она, как говорится, не постоит. Уж если что втемяшится ей в голову, то тетя всех на уши поставит, но своего добьется.

Лола с удовлетворением заметила, что в глазах чучельника подозрительность уступила место легкой насмешке. На миг в глазах этих отразилась она вся – не первой молодости, не совсем нищая, но и не богатая, ни работы приличной, ни мужа. Состоит при властной обеспеченной тетке на побегушках. И рада бы послать тетку с ее капризами подальше, да не может, потому как надеется на наследство.

Лола мысленно похвалила себя за удачное начало, но решила не расслабляться.

– Я должен посмотреть на животное, – сказал чучельник.

– Это – пожалуйста, я позвоню тете, – с готовностью ска-

зала Лола, – только она все же просила кое-какие сведения – преЙскурант там или еще что...

– Разумеется... – Чучельник открыл ящик стола, но в это время за дверью послышался мужской голос:

– Семен Юрьевич, можно вас на пару слов?

– Минутку, – сказал чучельник и вышел.

Лола тотчас скакнула к двери и приникла к ней ухом.

– Ну, я его там оставлю, – говорил мужчина, – мне ехать пора, все сроки прошли.

– Ладно, я провожу! – негромко ответил чучельник. – Чтобы ворота закрыть.

Послышался скрип двери, и Лола отважилась выглянуть в коридор.

Коридор был пуст, значит, чучельник вышел во двор, чтобы закрыть ворота за машиной. Но вот что ему привезли, интересно знать... «Оставлю его», – сказал водитель. Кого – его?

Осторожно ступая, Лола прошла по коридору до следующей двери. Оттуда очень неприятно пахло какими-то химикалиями, так что она не стала заходить, чтобы не наткнуться на какое-нибудь полуразделанное животное.

Мимоходом ругнув своего напарника за то, что вечно подсовывает ей самую неприятную работенку, Лола прошла дальше и открыла следующую дверь.

Комната была большая и полутемная, потому что на окнах были установлены плотные жалюзи. Посредине комна-

ты стоял стол, на котором лежало что-то большое. Неужели труп человека?

Замирая от страха, Лола нашарила возле двери включатель. Зажглась сильная лампа над столом, и в ярком свете Лола увидела удивительного зверя.

Зверь, несомненно, принадлежал к семейству кошачьих. Он был крупный, гораздо больше рыси, но поменьше леопарда. Зверь лежал на боку, отбросив лапы, глаза его смотрели на Лолу абсолютно неподвижно.

Лола поняла, что зверь мертв. И не могла не восхититься его красотой. Как жаль, что он умер! мех был густой, удивительного золотисто-желтого оттенка. И кое-где проступали крупные пятна неправильной формы. Сбоку свешивался хвост – огромный, пушистый, гораздо более светлый, чем вся остальная шерсть.

Лола подошла ближе.

Ясно, кого привез фургончик с надписью «Пирожные». Но почему тайно? А вдруг этого красавца нарочно умертвили, чтобы сделать из него чучело? Неужели этот противный чучельник занимается такими вещами?

Зверь явно редкий, Лола даже не знает, кто это. Она повернулась и показалось, что зверь следит за ней глазами. Господи, ну как живой!

Тут Лола услышала скрип закрывающихся ворот во дворе и решила, что пора ей уходить. И оглянулась перед тем, как выключить свет. И увидела, что лапы зверя дрогнули. Не

может быть!

Замерев на месте, Лола смотрела, как зверь поднял голову, зевнул и подтянул под себя передние лапы.

Лола охнула, перед глазами ее появились два зверя, потом четыре, после чего она сползла по двери на пол и потеряла сознание.

Пришла в себя Лола оттого, что кто-то поднес к ее лицу противно пахнущую ватку. Лола вдохнула, закашлялась и села. Точнее, попыталась сесть. Но это у нее не получилось, потому что руки были к чему-то привязаны и ноги тоже.

Повернув голову, она увидела, что лежит на том самом столе, где до этого валялся неизвестный зверь. Теперь вместо него тут она, Лола. Значит ли это, что злодей-чучельник решил сделать из нее чучело?

– Кто тебя послал? – послышался неприязненный голос, и рядом оказался сам злодей.

– Никто, – хрипло ответила Лола, – то есть тетя, у нее собака умерла... лабрадор... палевый... зовут Рик.

– Да? В прошлый раз ты говорила, что лабрадор черный, девочка, зовут Кесси, – чучельник усмехнулся, – не валяй дурака, отвечай быстро – кто тебя послал? Покатилов? Быковский?

– Не знаю таких, – ответила Лола, – не верите мне – позвоните тете, она подтвердит.

Она потихоньку впадала в панику. Этот ненормальный

сделает какой-нибудь укол, и она умрет, а потом он растворит ее в химикалиях, и она исчезнет навсегда.

– Слушайте, ну что вам от меня надо? – заговорила она, усилием воли взяв себя в руки и стараясь, чтобы голос не дрожал. – Ну что я вам сделала? Пошла посмотреть, потому что интересно, никогда в мастерской чучельника не была.

– Ага, посмотреть. За дурака меня держишь? – криво усмехнулся чучельник. – Грим профессиональный, прикид этот продуманный... я же все-таки глаза имею не такие, как у простого человека. У меня глаз наметанный, я такие вещи сразу замечаю! Говори, кто тебя нанял, чтобы про меня кое-что раскопать?

Лола молчала, кусая губы. Этот урод чучельник, судя по всему, настроен весьма серьезно. Вдруг у него тут и вправду творятся какие-то серьезные дела, и он Лолу убьет? И Ленка, этот остолоп и равнодушный человек, не успеет ее спасти... А что, пока он хватится ее, и то, если есть захочет, Лола будет уже на том свете! Ну, чучело этот тип из нее делать не станет, просто вывезет за город на фургоне «Торты. Пирожные» и выбросит в овраг.

Лоле стало ужасно жалко своей молодой жизни. И еще Пу И, как же Пу И будет жить без нее? Тут она сообразила, что песика Леня ни за что не бросит. И они будут приходить на ее могилу и вместе плакать, сидя на лавочке.

Картина так ясно встала у нее перед глазами, что Лола невольно фыркнула, уж больно уморительно выглядел ее на-

парник, вытирая слезу кружевным платочком.

– Смеешься? – прошипел чучельник. – Ну что же, я веселых люблю. Давай, колись, а не то...

– А не то – что? – спросила Лола.

– Вот сейчас буду отрезать от тебя по кусочку и скармливать этому! – Лола повернула голову и увидела в дальнем углу комнаты клетку, точнее, просто большой кусок комнаты был отгорожен решеткой. И за этой решеткой сидел зверь, тот самый, который, проснувшись, так напугал Лолу. Сейчас он полностью пришел в себя и смотрел на людей горящими зелеными глазами.

– Кто это? – Лола поглядела на зверя с интересом.

– Шанхайский барс, – усмехнулся чучельник, – видишь, как смотрит, кушать хочет.

– Значит, ты не будешь его убивать? – обрадовалась Лола.

– Зачем? – удивился чучельник.

– И не будешь делать из него чучело?

– Да ты что, он же живой! Слушай, – чучельник рассердился, сообразив, что Лола нарочно его забалтывает и уходит от темы, – давай уже рассказывай, некогда мне с тобой валандаться!

Лола поглядела ему в глаза и поняла, что все его угрозы ненастоящие. Раз он не будет убивать этого красивого зверя – стало быть, не такой плохой человек.

– Пока не развяжешь – ничего не скажу! – твердо выговорила она.

– Ну ладно, – неохотно согласился чучельник.

– Имей в виду, – заговорила Лола, морщась и растирая запястья, – я не сама по себе, мои коллеги знают, где меня искать. Так что насчет того, чтобы пустить меня на мясо – это ты зря.

– Пока не скажешь, кто тебя послал, – все равно не выпущу!

– Ладно, – Лола вздохнула, покоряясь судьбе, – что-то мне подсказывает, что ты – не тот человек, кто нам нужен.

– А кто же вам нужен?

– Не перебивай. Значит, я – частный детектив.

– Чего? В этой кепочке? – заржал чучельник.

– Сказала – не перебивай! – рыкнула Лола, так что зверь в клетке даже отпрянул от решетки. А Лола подумала, что зря не послушала Маркиза, пожалуй, кепка и правда была лишней.

– Не хочешь – не верь, – сказала Лола, – а только в «Тенистом уголке» случилась кража, вот меня и наняли, чтобы выяснить, что к чему.

– А подробней можно? – нахмурился чучельник.

– Можно, – ответно нахмурилась Лола, – значит, у Персиваля украли ошейник.

Сказав это, она внимательно следила за чучельником и ничего не увидела в его лице. Ни страха, ни даже проблеска воспоминаний.

– Так... – протянула она, – ушел в несознанку, значит?

Будем признаваться или будем заперяться?

– Какой еще Персиваль? – голос был полон недоумения, и Лола с ее артистизмом поняла, что чучельник не врет. Ведь она прекрасно разбиралась в голосах. И в выражении лиц тоже.

– Пудель карликовый, жемчужно-серый, кличка – Персиваль. Имел с ним дело?

– Ну...

Лола доходчиво, как маленькому, рассказала про ошейник с драгоценным камнем и про то, что камень пропал. Про Миллера, разумеется, она не упоминала, сказала, что обнаружил пропажу камня директор кладбища.

– А взять могли только трое – электрик, смотритель и ты, – втолковывала Лола.

– Да какой еще камень? – всполошился чучельник. – В жизни его не видел, понятия не имел, что он там есть!

– Изумруд, очень ценный, – кротко пояснила Лола, – называется «Граф Фуэнтес». Ходил на профилактику, в склепе был?

– Был, проверял, не было никакого ошейника. А я откуда знал, что эта полоумная баба его на мертвую собачку надела? Это же совсем рехнуться надо... такую вещь дорожную... на собачку...

– А ты докажи, что не брал!

– Да мне зачем... Не мой профиль...

– Ага, твой профиль – животных воровать...

Лола совершенно верно поняла, что зверь, который сидел в клетке, краденый, оттого и привезли его к чучельнику тайно, усыпив.

– Да что ты понимаешь? – возмутился чучельник. – Если хочешь знать, этого барсика мы, можно сказать, спасли. Потому что это очень редкий вид, и в природе встречается крайне редко. Поэтому он себе самку найти не сможет никогда. А у них там сплошное браконьерство, почти всех особей уничтожили, потому что мех ценный. И теперь никто тревогу не бьет, потому что война у них там, не до зверей всем. Может, еще лет двадцать пройдет, пока она закончится. Он к тому времени от старости помрет.

– А куда его теперь?

– У, лучше тебе не знать! В общем, в один частный зоопарк, где никто спрашивать документы не станет. Там для него есть такая девочка... ух, красавица... – В голосе чучельника прозвучала настоящая нежность. – Ничего, приятель, потрудись для потомства... Будешь там жить на всем готовом и котятков делать, чтобы вид не исчез...

Лола наблюдала, как чучельник обращался с шанхайским барсом, и поняла: человек, который так любит животных, не может быть вульгарным вором.

Разумеется, Ленька над ней только посмеется, но она будет стоять на своем.

– А кто такие Покатилов и Быковский? – спросила она.

Выяснилось, что эти двое – конкуренты. Они тоже ловят

зверей незаконно и продают их тем, кто даст больше денег, то есть не всегда там условия подходящие, и звери часто болеют и гибнут. Чучельник с ними в контрах.

С шанхайским барсом Лола простилась более сердечно, чем с чучельником, однако все же он отпустил ее без разговоров.

Во время первого посещения «Тенистого уголка» Маркиз выяснил, что рабочий день кладбищенского смотрителя заканчивается в пять часов вечера. Выяснить его адрес для Лени не составило труда, и на следующий день в половине шестого он припарковал машину напротив дома в Финском переулке, где обитал смотритель.

В шесть часов смотритель не появился, но Леня не беспокоился: дорога с загородного кладбища долгая.

Но смотритель не появился и в семь часов, и в восемь, и в девять, и в половине десятого...

Наконец уже без пяти десять он вышел из маршрутки и понуро поплелся к своему подъезду. В квартире на четвертом этаже загорелся свет, но вскоре он погас – видимо, смотритель рано лег спать.

На следующий день, выпроводив Лолу к чучельнику, Леня решил проследить за смотрителем от самого кладбища и выяснить, почему дорога домой заняла у него так много времени.

Чтобы не упустить свой «объект», уже в половине пятого

Маркиз подъехал к заброшенной стройке и занял наблюдательный пункт на десятом этаже недостроенного дома. При этом он спугнул крупную ворону, которая с комфортом расположилась там, чтобы перекусить найденным где-то куском черствого сыра.

Ворона возмущенно каркнула, подобрала свой ценный трофей и улетела.

Леня устроился на освободившемся месте, подрегулировал бинокль, наведя его на ворота кладбища, и приготовился к ожиданию.

Наверху было холодно, осенний ветер насквозь продувал недостроенный дом, и скоро Леня пожалел, что не оделся потеплее. Но тут, к счастью, открылась калитка сбоку от ворот, и оттуда вышел смотритель.

Шел он пешком, что навело Лению на определенные выводы.

Если бы этот человек украл дорогуший изумруд, уж нашел бы он денег на собственную, пусть самую скромную машину!

Хотя, конечно, это ничего не доказывает. Может быть, смотритель еще не реализовал камень, не нашел подходящего покупателя, или он очень осторожен и боится раньше времени тратить деньги, чтобы не засветиться. Возможно и совсем простое объяснение – может быть, у него есть деньги, но нет водительских прав, поэтому покупать машину нет никакого смысла...

Как бы то ни было, Леня выждал, пока смотритель пройдет большую часть пути до Выборгского шоссе, покинул свой наблюдательный пункт и медленно поехал следом за своим объектом.

Немного не доезжая до шоссе, он остановил машину на обочине, пробрался через заросли и увидел смотрителя, который поджидал на остановке рейсовый автобус. Вскоре этот автобус появился, смотритель сел в него и поехал в город.

Маркиз выехал на шоссе и поехал следом за автобусом. Машин на шоссе было много, и Леня мог не бояться, что «объект» его заметит, поэтому он держался близко к автобусу, хотя и не сомневался, что смотритель поедет до самого конца – до Финляндского вокзала, рядом с которым он живет.

Однако его расчеты не оправдались: кладбищенский смотритель вышел из автобуса раньше, не доехав до города, в поселке Парголово.

Леня порадовался, что ехал вплотную следом за автобусом – иначе он упустил бы свою цель.

Смотритель огляделся по сторонам и направился в глубь поселка.

Маркиз припарковал свою машину возле магазина и пошел следом за смотрителем, на этот раз держась на приличном расстоянии, чтобы тот его не заметил.

А смотритель явно нервничал, он то и дело оглядывался по сторонам, словно чувствовал слежку, так что Лене при-

шлость отстать еще больше. В результате он едва не потерял объект, свернув на перекрестке не в ту сторону.

Маркиз вернулся, бросился по другой улочке, быстро прошел мимо собачьей площадки, где местные жители выгуливали крупного ротвейлера и поджарого добермана. Собаки, должно быть, были давно знакомы и вели себя вполне миролюбиво – дружно играли в подвижные игры – в пятнашки и перетягивание каната. В роли каната выступала старая высушенная кость какого-то крупного животного.

Наконец Леня увидел зрителя. Тот стоял на углу, а перед ним с угрожающим видом сгрудились три хмурых типа в одинаковых кожаных куртках. Они явно чего-то требовали от зрителя, он возражал. Вся его фигура выражала страх и беспомощность. Вдруг он резко развернулся и бросился бежать.

Хмурая тройка потрусила следом, не слишком торопясь: они не сомневались, что немолодой зритель никуда от них не денется.

Леня огляделся по сторонам.

Тут ему на глаза попался тощий бывалый кот, который неторопливо шел по своим кошачьим делам. Леня быстро натянул перчатки, подскочил к коту и схватил его за шкуру.

Сказать, что кот был удивлен таким внезапным покушением на свою личность – значит, ничего не сказать. Он был возмущен, взбешен, разгневан, он извивался в Лениных руках, пытаясь вцепиться в наглеца, и шипел, как выкипающий

чайник. У Маркиза был большой опыт обращения с кошками, но и он не выдержал бы больше минуты.

К счастью, больше ему и не понадобилось: он как раз поравнялся с собачьей площадкой.

Кладбищенский смотритель, тяжело дыша, уже пробежал мимо этой площадки, его преследователи, хотя и не слишком торопились, понемногу приближались к нему – давала себя знать их молодость и хорошая физическая подготовка.

И тут в дело вмешался Ленья. Он швырнул извивающегося кота в ту сторону, где мирно общались ротвейлер и доберман.

Кот дико замыкал, пытаясь развернуться в воздухе.

Едва коснувшись земли лапами, он бросился наутек – бесстрашный уличный боец, он трезво оценивал свои силы и не рассчитывал на победу в схватке с двумя такими сильными и большими собаками. Собаки застыли от изумления, но уже в следующее мгновение бросились на наглеца. Кот со всех четырех лап припустил прочь.

Как и рассчитывал Маркиз, его путь лежал как раз в ту сторону, где неторопливо бежали преследователи смотрителя «Тенистого уголка». Кот решил использовать их как естественное препятствие на пути собак, он ловко проскочил под ногами у одного из троицы и устремился в проход между двумя домами. Собаки мчались следом за ним не разбирая дороги – и, естественно, налетели на хмурую троицу.

Тот бандит, что бежал в центре, должно быть бригадир,

не успел вовремя затормозить и свалился на ротвейлера.

Ротвейлер, распаленный погоней за котом, мотнул лобастой головой, рывкнул, слегка куснул неожиданного противника и наступил ему на грудь лапами. Бандит дико заорал от испуга и неожиданности, его спутники развернулись, попытались прийти на помощь поверженному коллеге, но тут в дело вмешался подоспевший доберман. Он одним ударом свалил с ног того бойца, что был слева от него, и тут же бросился на правого, ударил его лапами в грудь и провел задержание по всем правилам, как его обучали в школе служебного собаководства.

Зрелище было увлекательное, но Леня не мог досмотреть его до конца: ему нужно было нагонять убегающего зрителя. Тот уже выбежал на центральную улицу поселка и оглядывался по сторонам в поисках попутного транспорта.

Леня добежал до того места, где оставил свою машину, сел за руль и подъехал к зрителю. Он посигналил тому и открыл дверцу.

Зритель сел на пассажирское место, перевел дыхание и только тогда взглянул на Леню.

– Вам куда? – спросил Маркиз приветливо.

– До города, – ответил зритель, отдышавшись, и невольно оглянулся назад. – Там возле какой-нибудь остановки высадите...

– Как скажете... – проговорил Леня. – Что-то вы запыхались... и оглядываетесь... убегали, что ли, от кого-то?

Смотритель бросил на Леню подозрительный взгляд.

– Вы не думайте, – поспешно добавил Маркиз. – Я вам в душу не лезу, не хотите говорить – не говорите, я это просто так, для разговора... думал, вам выговориться нужно...

Смотритель смущенно проговорил:

– Спасибо вам... вы меня, правда, очень выручили... да, убежал я... неприлично по улицам бегать в моем возрасте, а что поделаешь? Ради сына на что угодно пойдешь! Родная же кровь...

– Сын? – сочувственно переспросил Маркиз. – Что, в плохую компанию попал?

– Ох, и не спрашивайте! – смотритель тяжело вздохнул.

Видно было, что в нем борются два противоположных чувства, два желания – ему хотелось выговориться и в то же время не хотелось изливать душу перед первым встречным.

– Да вы не стесняйтесь, – подтолкнул его Леня. – Вы меня видите первый и последний раз в жизни, а выскажете наболевшее – глядишь, и полегчает...

– И то правда... – Смотритель снова тяжело вздохнул. – Он у меня вообще-то хороший парень, да какой-то невезучий. Особенно на женщин ему не везет. То есть совсем он в них не разбирается. Встретил одну этим летом, влюбился, а она его привела в какое-то подозрительное место... игорный дом, что ли...

– Игорные дома же запрещены, – подбросил Леня реплику, чтобы заставить собеседника продолжить свою исповедь.

– То-то, что запрещены, а это какой-то подпольный... и так его эта женщина подначила, чтобы он сел в карты играть. Он у меня вообще-то не азартный, но тут эта женщина его подзуживала, подговаривала – сыграй да сыграй, попытай счастье... он перед ней хотел покрасоваться и втянулся в игру...

Смотритель замолчал.

Маркиз выждал полминуты и не выдержал, поинтересовался:

– Проиграл, что ли, много?

– Проиграл... – вздохнул смотритель. – С собой у него денег было немного, если бы только их – это бы не беда, но та женщина его все подначивала да подначивала – что ты, не мужчина, что ли, не будешь отыгрываться?

– Видно, она на тех людей работала! – догадался Маркиз.

– Вот именно что видно! – подхватил смотритель. – Нам с вами видно, а он, дурачок, ничего не понял, стал играть в долг и проиграл столько денег – страшно сказать!

– Вот несчастье-то! – посочувствовал Маркиз.

– Именно что несчастье! Они его заставили расписку написать, а потом стали с него квартиру требовать. А квартира у нас с ним одна на двоих, куда нам из нее съезжать? На улицу, что ли? На старости лет неохота бомжом стать, тем более что зима скоро! Да и потом, там такой долг большой, что квартиры не хватит. Я со знающими людьми поговорил – они, говорят, от вас теперь ни за что не отстанут, отдадите

квартиру – опять станут денег требовать. Славик – это сына моего так зовут – и так, и этак пытался с ними договориться, да куда там... а они ему прохода не дают... я им все деньги отдал, какие у меня были отложены, а им это – тьфу... несколько раз били Славика, один раз он даже в больницу попал... сотрясение мозга, перелом двух ребер и много ушибов...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.